

УДК 821.161.1

ЛИТУРГИЧЕСКИЕ МОТИВЫ В ПОЭЗИИ К.Д. БАЛЬМОНТА

© 2013 г.

Н.П. Крохина

Шуйский государственный педагогический университет

nadin.kro@mail.ru

Поступила в редакцию 26.06.2012

Рассматриваются образ мира как вселенского храма и трансформация молитвенной темы в поэзии К. Д. Бальмонта. Акцентируется связь его поэзии с христианским космизмом Ф.М. Достоевского. Анализируются важнейшие образы-символы, раскрывающие таинство мирового всеединства: «мировое причастие», музыка и свет, «литургия красоты», тишина-прославление. Делается вывод об иконическом переживании невидимого в видимом в бальмонтской поэтике всеединства.

Ключевые слова: мир как храм, мировое таинство, всеединство, «мировое причастие», «литургия красоты», молитва.

Образ мира как вселенского храма – один из ключевых в русской литературной традиции. Уже церковные авторитеты III–IV веков: Ориген, Василий Великий и др. – сравнивали храм с мирозданием, а мироздание – с храмом. Русский православный храм – прежде всего образ мироздания, космоса, вселенной, божественного мироустройства. «Богословское понимание храма как образа Вселенной было неотрывно от толкования храма как образа Вселенской Церкви, что для средневекового сознания было по сути одним и тем же» [1, с. 13]. В Новое время Вселенская церковь обогащается новым моментом мистического имманентизма, космического христианства – признания всего естества, вмещающим в себе божественную сущность. Уже романтики в лице Новалиса мечтали о новой церкви: «Христианство опять должно стать живым и действенным и создать себе церковь видимую, вселенскую... Новый Иерусалим станет царствующим градом вселенной» [2, с. 544]. Эти поиски нового града были подхвачены и развиты отечественной культурной традицией конца Нового времени. Чувство храмовости мира находимо в поэзии Ф. Тютчева, Вяч. Иванова, Б. Пастернака. В поэзии К. Бальмонта, с его светлым православным космизмом и блаженным восхвалением творения, реализуется учение старца Зосимы о любви к земле, возвращающей человека к единению с преображённым космическим целым (к чему отсылает эпиграф к бальмонтскому сборнику 1895 г. «В безбрежности»: «Землю целуй.. всё люби...»). Поэты Серебряного века, для которых духовный опыт Ф. М. Достоевского был особенно значим (К. Бальмонт, Вяч. Иванов), опирались в поисках миропоспасающей красоты и миропри-

ятия на духовный опыт праведников Достоевского. Тайна этого мироприятия открывается Алёше Карамазову в высшую «минуту восторга» и просветления: «Тишина земная как бы сливалась с небесною, тайна земная соприкасалась со звёздною». Это софийное мгновение видения преображённого мира как «единой вселенской церкви», повергающее на землю, заставляющее «любить её, любить во веки веков» [3, с. 328], духовно укрепляющее человека на всю жизнь, будет развёрнуто в поэтическом творчестве К. Бальмонта.

Русское слово «храм» происходит от греческого «хоро» – «круг», однокоренные ему слова – «хор», «хоровод». Круг как символический образ наглядно выражает представление о вселенной. Вся литургическая практика христианской жизни «идёт по кругу». Церковь, космос, вселенная – выражение непрерывного круга божественной литургии. Образы «мирового круга» и «мирового кольца», «звёздного хоровода», «мирового причастия» [4, с. 104–105], мотивы космической литургии – важнейшие в поэзии К. Бальмонта как выражение его поэтики всеединства. Отсюда такой интерес поэта к детству человечества с его культом солнечного, «светлого начала во всех его видоизменениях, небесных и земных». Чувство целого неотделимо для Бальмонта от сущности поэтического творчества, о чём он так вдохновенно писал в очерках «Край Озириса»: «Человеку дано его слово, которым был создан Храм Вселенной и создаётся путь от Земли к Небу» [5, с. 112, 77]. Этот путь интуитивно прочувствован поэтом в годы его счастливого усадебного детства. Тайна детства для поэта – «беспрерывная тайна причастия» миру. «И этот свет Мировой Евхари-

стии пережившему счастливое детство светит потом всю жизнь», – о детских истоках этого христианского космизма К.Д. Бальмонт размышлял на страницах автобиографического романа «Под новым серпом» [6, с. 246]. Тайнство мировой евхаристии открывало Бальмонту мир просветлённым и преображённым. Чувство храмовости мира определяет светлый строй поэзии Бальмонта.

Символистская поэзия непредставима без переживания мира как таинства. «Весь мир есть великая тайна», как говорит бальмонтскому лирическому герою Голос с неба. Это таинство включает томление и безмерные страдания, дорогу к Раю и восхождение [4, с. 98].

Мир как храм прежде всего звучит: «И гимны ангелов заоблачных звучали»; «Звёзды прославляют Господа Творца» [7, с. 90, 116]. Это небесное пение требует от поэта чуткого вслушивания: «Звон колокольный, с небес долетающий. / Ангелов мирных невнятное пение. / Радость прозрачная» [7, с. 159]. В этой мировой музыке – ангелов или «звёзд, поющих светлым хором» [7, с. 141] – «лучи недоступного Рая»: «Мы слышим воздушное пенье чудесной игры, / Не видя поющего нам серафима» [7, с. 164]. В этом пении – зов неба: «И как будто с Небес чуть послышался зов, / Чуть послышался зов неземных голосов», поющих о «просветлённой любви» [7, с. 105]. И этому зову человек часто не внимлет («Забытая колокольня» [7, с. 193–197]). И тогда долгим гулом колокол «мстит / За греховные мечты / Искажённой красоты»: «Долгий мрачный гул встаёт. / Это колокол поёт! / Совесть грозная земли, / Говорит: «Встань! Внемли!» [7, с. 197].

«И тысячи ангелов... скорбели над сонной Землёй» о том, что безумцы «не слышат немолкнувший клич, / Отдалённый восторг Мироздания» [7, с. 194–195]. Лишь поэт способен услышать «таинственный зов, / Бесконечность немых голосов» [7, с. 139], переживая состояние освобождения. Потому так важна в этой поэзии тема тишины – молчания, безмолвия, вслушивания: «Мне хочется безгласной тишины, / Безмолвия, безветрия, бесстрастья» [4, с. 67].

Тогда поэт слышит «отзвуки благовеста» «В недвижности, в безгласной летаргии / Прибрежных скал» и «вечный, благостный, святой» смысл этого молчания [4, с. 151]. Поэту открывается «воздушная дорога», связующая Небо и Землю: «Всё в Мире полно скрытого значенья... / Но мир Земли – для Неба не чужой» [4, с. 90–91]. Открывается таинство «мирового кольца» и «мирового причастия». «Сколько таинства было в полночной тиши!» [7, с. 104] – особенно чудесна ночь, мерцающая светом звёзд: «Уж ночь зажигает лампы / Пред ликом

пресветлым Творца» [7, с. 118]. В этом свете сливаются звёзды и ангелы: «Звёзды тихий свет струят, / Очи ангелов глядят»; «Ходят Ангелы во мгле, / Слёзы счастья шлют земле» [7, с. 157, 118]. Сокровенная связь сущего сочетает звук и свет, видимое и невидимое, поэт слышит «звон заоблачных соборов» и видит ночное таинство («Небесная роса» [7, с. 155, 118]).

Образ ангела, связующего небо и землю, – важнейший у Бальмонта. Поэт вспоминает «белого ангела» из детских снов, свет которого связывает поэта с Небом, делает Небо родным: «Я верю в Небо, синее, родное, / Где ясно всё неясное пойму. / С небесным я душой не различаюсь» [4, с. 29]. Если лермонтовский ангел означал трагический конфликт небесного и земного в душе романтика, бальмонтский ангел – «дальний тихий звон», «проблески, которым нет забвенья» – наоборот, связывает небо и землю в единое таинство, открытое поэту с детства. Поэт – свидетель небесного таинства: «Спит зелёная аллея, / Лишь вверху поёт хорал» [4, с. 142]. Свою причастность мировому таинству Бальмонт назовёт «свет Мировой Евхаристии» в романе «Под новым серпом», а в дневниковой прозе «религией звёзд и цветов» [8, с. 51], зарождающейся уже в детстве. Человек в бальмонтской «религии звёзд и цветов» – «звезда меж звёзд» и «цветок в мировом саду» [9, с. 12, 19]. Аромат цветов – благовония мирового храма: «Цветы лучам кадят / Струями аромата» и даже – пример синестезии: «Туман лугов, как тихий дым кадил, / Встаёт хвалой гармонии безбрежной» [7, с. 77, 485]. «Я хочу, чтобы храм, в который я вхожу, был залит лучами Солнца и весь горел цветами» [10, с. 50]. Потому так часто мрачен и тесен для поэта реальный храм: «Точно хаос изначальный, / В церкви сон и мрак печальный» («Венчание» [7, с. 259]).

В «мировом кольце» «Земля и Небо – свод немого храма», но и в душе поэта – храм: «В храме снов бессмертных дышит нежный свет» [7, с. 449–450]. Воспоминанья «снежными храмами в душе возвышаются» [4, с. 152]. Поэт переживает таинство сочетания своей души с мировым – в сиянии звёзд, полночной тишине. Поэт слышит «незримую струну», забыв, «глядел ли в Небо, в свою ли глубину», поёт «таинство венчанья созвездий и цветов» [4, с. 140].

«В час мирового причастия души» поэт постигает «в безграничном разнообразии связующее единое» [6, с. 388]. Поэту открывается «невиданный храм» [4, с. 103]. В небесах поэт созерцает «Воздушный храм»: «Высоко над землёю, вечерней и пленной, / Облака затаили ог-

ни». Стихотворение развёртывает видение, открывшееся поэту:

Кто-то светлый там молится, молит кого-то,
Преклоняется, падает ниц.
И горящих небесных икон позолота
Оттеняет видения лиц. [7, с. 316]

Стихотворение «Воздушный храм» – открывает сборник «Будем как Солнце», третье по счёту после программных «Я в этот мир пришёл, чтоб видеть Солнце» и «Будем как Солнце». Это храм солнечных лучей: «кто-то светлый там молится», «это храм, из воздушности светом сплетённый», в нём призрачный ряд богомольцев – «одни возникают, другие уходят». «И ушедшие – в мире, незримые, бродят, / Создавая покров бытию» [7, с. 316]. Солнце – символ божественного света – творец этого «воздушного храма». Вечернее солнце, игрой своих лучей создающее этот «невиданный храм», «уходит к своей запредельной отчизне, / В беспредельной своей красоте». Уходящее солнце «засмотрелось, как вечер красив, / И как будто обрызгало светлою пылью / Желтизну созревающих нив» [7, с. 317]. «Воздушный храм» пронизан светом и блестит позолотой, воплощает в себе божественную красоту мироздания, а также неземное в земном. Смысл молитвы в этом храме: «Будем молиться всегда неземному / В нашем хотеньи земном!» [7, с. 316] – в этом завет «Будем как Солнце». Потому его лучи и создают «покров бытию», несут «золотую возможность дождей», под которыми колосятся «созревающие нивы». «В жёлтых колосьях покой бытия» [4, с. 106] – тайна причастия земного к неземному. «Воздушный храм» освящает и небо, и землю. Первым чином христианской литургии считается «Тайная вечеря». Стихотворение содержит космическую вариацию этого мистического события.

Этот «Воздушный храм», о котором всегда мечтал поэт, озарённый светом и блеском позолоты, противоположен темноте и тесноте реального храма, неотделимого от скорбной души России. Последний образ развёрнут в стихотворении «Молебен»:

Тёмной толпою, в часовне убогой,
Путь завершив, и пред новой дорогой,
Суетность нашу забыв на мгновенье,
Тупо мы слушаем сонное пенье. [7, с. 274]

Атмосфера сгущена до гротеска. Контраст с «Воздушным храмом» – разительный: «Это храм, из воздушности светом сплетённый» – «В потные стёкла не видно лазури»; «И горящих небесных икон позолота» – «Силою дней накоп-

чёны иконы, / Вечны пред ними бессильные стоны» – вместо молитвы, созидающей «покров бытию». Созревающие золотые нивы – и «тоскливо-скудные поля» родной «необозримой равнины, / Неумолимой земли». Образ реальной литургии «в часовне убогой» неотделим от предшествующего в цикле образа скудной и безотрадной природы, развёрнутого в стихотворении «Равнина». Литургические мотивы в поэзии Бальмонта подчинены общему устремлению его души от «печали, угнетённости и сумерек» «к радостному Свету, победительному Солнцу» [4, с. 22], «литургии красоты».

Поэту тесно и душно «в тесном пространстве, где дух наш взрастил / Тайное древо невидимых сил». «Молятся звуки и души послушно, / Что же им в узкой часовне так душно?». «Грустно склонивши морщинистый лоб, / Что-то вещает нам загнанный поп: – / «Жизнь наша – душная – тёмная... – Гроб!» [7, с. 275]. Поэту уже мало той красоты «печали, отречения / И добровольного мученья / За нас распятого Христа» [7, с. 28], с которой начиналась его поэзия. Поэта всё более влекло к «весеннему Христу», мудрому и спокойному, окружённому детьми, который «вечно нас ведёт к Весне» и воскресению: «Но в яркий праздник Воскресенья / Весь мрак войдёт в безмерный Свет!» [4, с. 102]. Поэт принимает весь мир, «благословляет бытие» [7, с. 290]: «Меня пленяет всё: и свет, и тени, / И тучи мрак, и красота цветка... / Во всём видна Создателя рука» [4, с. 111].

Во всём поэт открывает преображающую красоту. Потому и кульминацией литургической темы в творчестве Бальмонта становится книга «Литургия красоты», в которой поэт стремится исполнить завет Ф.М. Достоевского о миротворительной красоте. Поэт прославляет «аккорд певучий / Неумирающих созвучий, / Рождённых вечной Красотой» [7, с. 175]. Не однажды поэт повествует о несказанном: «О, праздник обрученья Небес и лепестков», «С Мировым в мировом мы причастия ждём» [4, с. 140, 168].

В мировом причастии поэт приобщается Литургии Светил и устремлён своей утренней душой к «воскресенью Всего», от тишины – к прославлению: «слава Солнцу... Небу, звёздам и Луне» [4, с. 168]. В своей Литургии красоты он прославляет все цвета и цветы мира [4, с. 171–181] и все мировые стихии. Поэт прославляет Огонь и «безбрежный Свет» во всём мироздании и свою приобщённость к мировому огню: «Я праздник радости, расцвета и огней» [4, с. 183]. Раскрывая тайну Воды «от капли росы» – до «глади бездонных морей» [4, с. 193], поэт повествует о своём видении «блаженной стра-

ны», встающей из отраженья высоты небес в бездонном Океане – «меж двух бездонностей»: «Мир, где ни мук, ни тьмы, ни страха, ни обиды.../Домов прекраснейших возникли мириады / Среди невиданных фонтанов и садов.../ И всё, что на земле, всходило в Небеса». Поэту является таинство мирового всеединства, Нового Града, которого так жаждала соборная душа поколения Серебряного века [11]. «Весь Мир наполнился одним воздушным звоном, / Вселенная была – единый Млечный Путь» [4, с. 204].

Поэт прославляет Воздух – «круговой шатёр, покров земного мира, «светоносное великое пространство» [4, с. 208, 211]. Он любит красота Земли, сливающейся с Небом, в этой слитости «близок праздник просветленья», который и видит поэт [4, с. 216]. Ему внят «голос вечно-молодой» нивы, «нежного колоса». Поэт прославляет «победное зерно» и спеющий виноград – символы Литургии Красоты, мировой евхаристии, которая «есть, была и быть должна» [4, с. 223–224]. В открытой поэту Литургии Красоты мир звучит – «Слышу я стройные струнные хоры», сияет – «Вижу повсюду сияющий Свет» [4, с. 220, 185], вкушается его хлеб и вино. «Всё совершится, / Круг неизбежен». «Все в великом сложном Чуде – / И творенье, и творцы» [4, с. 191, 215]. В своём творческом чуде человек приобщается вечному: «В нём есть вся Земля, бездонность вечных Вод, / И Небеса небес, где пьют бессмертье взоры» [4, с. 278]. Таким образом, мир предстаёт как храм, Литургия Красоты, важнейшее таинство которой – мировое причастие, «свет мировой евхаристии».

Вторым важнейшим литургическим мотивом поэзии К. Бальмонта является ещё более характерная для отечественной литературной традиции трансформация молитвенной темы. Не однажды поэт обращается к Богу с молитвой, прежде всего о возвращении к Отцу: «Дай возвратиться к Тебе с упованием! / Дай нам, о, Господи, слиться с Тобой!» [7, с. 26]. Или вопрошает, как Иов: «Зачем Ты даровал мне душу неземную / И приковал меня к земле?» [7, с. 29]. Это противоречие будет разрешаться в поэзии Бальмонта через приобщение земли небесам. Молитва перерастает в мечту о крыльях орлиных, способных унести «в безграничное Царство Лазури». «Неземная душа» поэта так часто «исполнена дум несказанных, / Тех чувств, для которых названия нет, / И красоты бесконечной» [7, с. 36–37]. Эту божественную красоту поэт и будет открывать в конечном мире. Поэт знает силу молитвы: «Помолись в тиши безмолвной / Пред иконою святой, / Чтобы мир,

страданьем полный, / Вспыхнул новой мечтой» [7, с. 96].

Молитва переходит в мольбу: «О, Господи, молю Тебя, приди! / Мне разум говорит, что нет Тебя, / Но слепо я безумным сердцем верю» [7, с. 198]. Эта вера не однажды спасала поэта. На страстную мольбу в поэзии Бальмонта всегда звучит ответ: «Я в тебе, ты во Мне, безраздельно... / Всё – в одном. Всё глубоко и цельно. / Я незримым лучом над тобою горю, / Я желанием правды в тебе говорю» [7, с. 200]. Эта прочувствованная уже в детстве близость Запредельного наполняет бальмонтскую поэзию «негаснущим светом», чувством бесконечного [7, с. 200] и направляет её от «печали, угнетённости и сумерек» «к радостному Свету, победительному Солнцу» [7, с. 22].

«О, да, молитвенна душа, / И я молюсь всему» – всему, что «цельно»: покою и борьбе, свету и тьме: «Люблю я свет и тьму», «В воспоминаниях светло / Живут добро и зло» [4, с. 61]. Мир непредставим для Бальмонта без «различности сочетаний» [4, т. 1, с. 431]. «Все сложные ткани и блага, и зла» принимает поэт как пьянящее «мировое вино», «благословляя бытие», чувствуя «только любовь» [4, с. 108]. В этом всеприятии мучений и радости – закон «мирового кольца»: «Красота создаётся из восторга и боли». И самое важное в бальмонтском отражении этой мировой игры – она имеет светлые истоки и светлое завершение. Потому и возможна здесь любовь к Богу и Дьяволу: «Я люблю тебя, Дьявол, я люблю Тебя, Бог...» [4, с. 93]. Дьявол здесь – та движущая сила познания и жизни, о которой писал ещё Гёте, – сила, творящая добро через зло. Это фаустовское начало вечного движения жило в поэте-страннике. Потому так необычно Бальмонт представил битву Святого Георгия с Драконом: «Святой Георгий, убив Дракона, / Взглянул печально вокруг себя. / Не мог он слышать глухого стона, / Не мог быть светлым – лишь свет любя». «Пред сильным Змеем ты был в восторге, / Пред мёртвым Змием ты вдруг погас!» [4, с. 295–296].

В сборнике «Литургия красоты» Бальмонт говорит о равенстве полярных мировых начал: «Довременно Доброе начало, / Довременно и начало Злое... / Веря в Бога – в Дьявола мы верим... / Бог Христос – и рядом с ним Иуда», но даже если «мир – противоречье» («Раз я светлый – весь мой мрак откуда?»), безумный поэт «В тёмной Ночи песнь слагает Свету» [4, с. 145–146]. Это кредо Бальмонта – прославлять свет. При этом кроткая и нежная душа поэта готова молиться за всех: «Храни Господь Всевышний / Всех тёмных на земле, / Того, кто в мире лишний... / Всех тех, кто слаб и сир» [4,

с. 96]. В стихотворении «Ребёнок» поэт молит за самого слабого – ребёнка: «Я не могу принять мучений / Немых, как ангелы, детей», выступая прямым наследником гуманизма Ф.М. Достоевского [4, с. 97].

И вновь поэт-Иов слышит с неба ответ, в котором небесный Голос говорит о мире как «великой тайне», своём бездонном сострадании к человеку и радости воскресения. Свет детства и солнечная тема вели поэта-скитальца от красоты «печали, отречения / И добровольного мученья / За нас распятого Христа» («Под северным небом») к «весеннему Христу», мудрому и спокойному, окружённому детьми, который «вечно нас ведёт к Весне» и воскресению:

Но в яркий праздник Воскресенья
Весь мрак войдёт в безмерный Свет! [4, с. 102].

К размышлениям о евангельском Христе поэт не однажды возвращался в путевых заметках и статьях. «Я не могу победить в себе желания быть кротким и смиренным... Я понял красоту Христа», он «помогает любить цветы и птиц» [10, с. 50]. «Евангельская повесть, напоённая словами любви и нежным духом полевых лилий» – одна из самых любимых книг Бальмонта. «Распятие заслонило другую красоту и правду Христа. Я вижу Его идущим с детьми и говорящим о цветах и птицах... Он говорил слова, на веки веков сияющие радостью и жизнью» [6, с. 376–377]. Потому «молитва последняя» поэта – о человеке: «Боже, не дай мне людей разлюбить до конца... / Лучше простить» [4, с. 280]. Из всех церковных праздников Бальмонту дороже всего «Благовещение в Москве» – «праздник света» [4, с. 30] и пасхальные радость и ликование [12, с. 65, 73]. Круг любви в венке сонетов «Он и Она» – мировой круг, прославляющий закон, которым движутся созвездья, «Пасхальную созвездность всех сердец, / Вселенское объятие сознаний» [13, с. 178].

В своих самых вдохновенных созданиях Бальмонт приближается к русской мистике в её чистом виде: не интеллектуальное восхождение к невидимому поверх всего видимого, но иколическое переживание невидимого в видимом. Опыт, в котором всё творение преобразуется божественным светом, озаряется мистикой любви и благодати, а поэт приобщает к единому целому и вечной радости воскресения.

Работа выполнена при финансовой поддержке государства в лице Минобрнауки России.

Список литературы

1. Флиер А. В круге главном // Наука и религия. 2011. № 2. С. 12–16.
2. Иванов В. О Новалисе. По звёздам. Борозды и межи. М., 2007. С. 538–561.
3. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы // Полное собрание сочинений: В 30 т. Т. 14. Л.: Наука, 1976. 511 с.
4. Бальмонт К.Д. Полное собр. стихов 1909–1914 // Собр. соч.: В 7 т. Т. 2. М.: Книговек, 2010. 480 с.
5. Бальмонт К.Д. Край Озириса // Собр. соч.: В 7 т. Т. 6. М., 2010. С. 5–164.
6. Бальмонт К.Д. Под новым серпом: Роман // Бальмонт К.Д. Собр. соч.: В 7 тт. Т. 5. М.: Книговек, 2010. 520 с.
7. Бальмонт К.Д. Полное собр. стихов 1909–1914 // Собр. соч.: В 7 т. Т. 1. М.: Книговек, 2010. 504 с.
8. Бальмонт К. Малые зёрна: Мысли и ощущения // Весы. 1907. № 3. С. 47–56.
9. Бальмонт К. Океания // Заветы. 1914. № 6. С. 7–34.
10. Бальмонт К.Д. Змеиные цветы. М.: Скорпион, 1910. 250 с.
11. Крохина Н.П. Софийность в космическом мироощущении русских мыслителей и поэтов Серебряного века: Монография. Иваново: ШГПУ, 2010. 400 с.
12. Бальмонт К.Д. Полное собр. стихов 1909–1914 // Собр. соч.: В 7 т. Т. 3. М.: Книговек, 2010. 528 с.
13. Бальмонт К.Д. Он и Она: Венок сонетов // Русская мысль. 1917. № 7–8. С. 173–179.

LITURGICAL MOTIVES IN K.D. BALMONT'S POETRY

N.P. Krokhina

The article considers the image of the world as a universal church and the transformation of the theme of prayer in K.D. Balmont's poetry. The connection of his poetry with the Christian cosmism of Dostoevsky is emphasized. The most important symbolic images are analyzed revealing the mystery of world unity, «the global communion», music and light, «the liturgy of beauty», and the silence-glorification. The conclusion is made regarding the iconic experience of the invisible in the visible in Balmont's poetics of world unity.

Keywords: world as a temple, world mystery, world unity, «global communion», «liturgy of beauty», prayer.